

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ

РОЖДЁННЫЙ РАСШИРИТЬ
СЛАВУ ЦАРСКОЙ ФАМИЛИИ

Вячеслав Лялин

**Великий князь Константин
Павлович рождённый расширить
славу царской фамилии.**

«Автор»

2026

Лялин В. Е.

Великий князь Константин Павлович рождённый расширить славу царской фамилии. / В. Е. Лялин — «Автор», 2026

Рождённый чтобы «расширить славу» царской фамилии великий князь Константин Павлович вопреки своему предназначению из-за малодушия характера не только отказался от власти, но едва не погубил русскую монархию.

© Лялин В. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Греческий проект	5
Рождение	9
Начало службы	13
Швейцарский поход	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вячеслав Лялин

Великий князь Константин Павлович рождённый расширить славу царской фамилии.

Глава 1

Греческий проект

Так случилось, что в середине XVIII века в Российской империи едва не угасла царская династия. После соперничества двух наследственных ветвей династии Романовых — Брауншвейгской и Гольштейн-Готторпской, ведущих своё начало от единокровных братьев царей-соправителей Ивана V и Петра I, в России утвердились потомки императора Петра I. Его внук Петр III, по мужской линии представитель древнейшего европейского Ольденбургского рода, при рождении владетельный герцог Гольштейн-Готторпский Карл-Петер-Ульрих (1728 — 1762) в 1761 году, после смерти своей тётки императрицы Елизаветы Петровны (1709 — 1761), вступил на русский престол. Его правление было кратковременным. Петр III был свергнут заговорщиками передавшими престол его супруге — Екатерине II, урождённой немецкой принцессе Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербской (1729 — 1796).

Конечно же, новая русская правительница не имела никаких прав на престол, но кого это волновало. За ней была сила, за ней была гвардия. И это решало всё.

Её положение было устойчивым ещё и потому, что она успела родить, состоя в законном браке с Петром III, сына великого князя Павла Петровича, имевшего неоспоримые права на русский престол.

Павел Петрович, впоследствии император Павел I, обеспечил будущее императорской династии. В его семье родилось четверо сыновей, что позволило сильно разрастись родовому древу императорской фамилии, ростки которого не удалось погубить даже в годы безжалостного «революционного террора» в начале XX века.

Екатерина II, твёрдо удерживая власть в своих руках, не подпускала к управлению страной сына, контролируя все стороны жизни семейства наследника. Рождение в 1777 году внука, названного Александром, ещё более укрепило положение императрицы, желавшей видеть его своим наследником. Через два года в семье Павла Петровича и его супруги Марии Фёдоровны (1759 — 1828) родился ещё один сын названный Константином.

Новорождённый получил своё имя с дальним умыслом. Дело в том, что его августейшая бабка желала видеть его императором, но не Российским, русский престол по праву первородства закреплялся за Александром, а возрождённой Византийской империи.

Военные и политические успехи, достигнутые Россией во второй половине XVIII, в период правления Екатерины II, получившей наименование «Великой», значительно укрепили её международный авторитет и значительно расширили границы государства. Прежде всего, Россия овладела Черноморским побережьем.

Екатерине II стало казаться, что всё чего она не пожелает, будет выполнено. Это ей постоянно внушали льстивые царедворцы и лживые иностранцы.

На протяжении многих лет самым близким к Екатерине II человеком, а возможно даже её тайным супругом, был Григорий Александрович Потёмкин (1739 — 1791), более извест-

ный под титулом светлейшего князя Потёмкина-Таврического. По свидетельству некоторых современников, именно светлейший князь, активно занимавшийся обустройством вновь приобретённых южнорусских владений, внушил императрице идею, так называемого «греческого проекта». Его сущность заключалась в изгнании турок с Балканского полуострова и освобождении Константинополя, для возрождения прежней православной Византийской империи.

Правителем новой Византийской империи должен был стать один из внуков императрицы. Поэтому рождение в семье великого князя Павла Петровича ещё одного мальчика, для императрицы было подарком судьбы и своего рода небесным предзнаменованием для реализации её планов.

Новорождённого малыша, по воле венценосной бабки, нарекли Константином, в честь основателя города Константинополя, Римского императора Константина Великого, поскольку он предназначался на роль Византийского императора.

При Русском дворе празднуя рождение великого князя Константина Павловича, открыто говорили о его высоком предназначении «расширить славу» русского царствующего дома. Именно такие сведения передал в Лондон английский посланник в Санкт-Петербурге Джеймс Харрис (1746 — 1820), будущий английский министр иностранных дел и первый граф Мальмбюри, занимавший должность посланника в России в 1778 — 1783 годах. «Князь Потёмкин мало обращает внимания на политику западной Европы: мысли его постоянно заняты планом основания новой империи на Востоке. Императрица до такой степени разделяет эти намерения, что, гонясь за своей мечтой, она уже назвала новорождённого великого князя Константином, определила к нему в няньки Гречанку, по имени Елена, и в близком кругу говорит о возведении его на престол Восточной империи. Между тем она строит в Царском Селе город, который будет называться Константинополем... Теперь преобладающею мыслью (затмевающею все остальные) является основание новой империи на Востоке, в Афинах или в Константинополе».

В своём «завещании», сочинение оставленном для потомков, императрица Екатерина II особо отметила: «Моё намерение есть возвести Константина на Престол греческой восточной Империи».

С самого рождения великого князя Константина Павловича постоянно окружали, состоящие на русской службе, выходцы из Греции. Даже кормилицей великого князя была гречанка по имени Елена, её выбрали не случайно. Еленой, ставшей христианской Святой, звали мать Римского императора Константина Великого. Слуги и товарищи детских игр великого князя так же были греки. При юном Константине Павловиче, для изучения эллино-греческого языка, с 16 августа 1786 года слугой состоял грек Дмитрий Курута (1770 — 1833), на долгие годы ставший для великого князя самым близким человеком. Такое решение приняла сама императрица Екатерина II.

Мысль о том, чтобы сделать Константина Павловича главой греческого народа, то есть возрождённой Византийской империи, не покидала императрицу и в последующие годы. В качестве первого шага к осуществлению намеченного плана был придуман странный способ. Александр Васильевич Храповицкий (1749 — 1801), статс-секретарь императрицы, 17 августа 1787 года сделал в своём дневнике запись: «В сундуке отыскал для себя и читал секретный проект Потёмкина, чтобы, воспользовавшись персидскими неурядицами, занять Баку и Дербент и, присоединив Гилань, назвать Албаниею для будущего наследника великого князя Константина Павловича».

В записи статс-секретаря от 7 июня 1788 года говорится о желании императрицы, чтобы «Молдавию и Валахию оставить независимыми для будущей греческой империи под названием Дакии».

Императрица откровенничала с Храповицким, «пусть турки идут, куда хотят, греки могут составить монархию для Константина Павловича».

В следующей беседе императрица говорила, что можно выделить часть территории Османской империи «Англии, Франции и Германии, а остатка довольно для великого князя Константина Павловича».

Мечтая о восстановлении Византийской империи, Екатерина II не торопилась с решением этого вопроса, полагая, что следует подождать совершеннолетия Константина: «Константин — мальчик хорош, он через 30 лет приедет из Севастополя в Царьград». До самой смерти Екатерина II грезилась мечтой о восстановлении греческого государства, для внука. В 1792 году она писала Александру Храповицкому: «Суворов и Мордвинов спят и видят, чтоб войти в Царьград; турки тотчас убегут, там останется 300000 греков, и вот наследство великого князя Константина Павловича».

Для привлечения греков на русскую службу в Санкт-Петербурге был открыт Греческий кадетский корпус. В областях приобретённых Россией возле Чёрного моря образовывались города с греческими названиями, в которых расселяли беженцев из подвластной туркам Греции. Причерноморские города, должны были служить, своего рода, переходной полосой между Российской и будущей Греческой империей. Сама императрица стала носить и ввела в моду дамский наряд, называвшийся «гречанкою».

Неоднократно озвученные мечты русской императрицы о восстановлении греческого государства под управлением великого князя Константина прочно укоренились и в умах греческого народа. Известны случаи обращения некоторых греческих лидеров к великому князю, в которых он именовался греческим самодержцем «Константином III».

Отрады дни неизречённой
О! век прекрасный и златой!
О! времена! О! час блаженной
Явился в коем Феб молодой!
Феб радость общая России,
Феб произшедшей от Марии,
Феб очесам премилый свет,

Феб Константин сердец пленитель,
Надежды нашей совершитель,
О! много лет Феб да живёт!

Такую восторженную оду посвятил будущему Византийскому монарху Константину состоявший на русской службе греческий поэт Георгий Балдани.

Видимо в рамках задуманного плана в 1796 году был предпринят поход русской армии против Персии. Русские войска под командованием графа Валериана Зубова (1771 — 1804), родного брата последнего фаворита императрицы, светлейшего князя Платона Александровича Зубова (1767 — 1822), овладели Дербентом и другими Азербайджанскими ханствами. Однако после смерти императрицы Екатерины II боевые действия были приостановлены.

Этим мечтам о возрождении погибшей Византийской державы, возникшим в умах первых лиц государства и не воспринимавшихся в широких слоях русского общества, не суждено было сбыться. Отчасти потому, что крах «греческой политики» Екатерины II и князя Потёмкина был обусловлен тем, что в их проект по воссозданию Византийской империи, сводился к распространению греческого господства на Балканах, без участия проживавших там славянских народов. Южные славяне, собственно, должны были перейти из-под владычества турок во власть греков, что было, по мнению императрицы, большим благом, так как греки были их единоверцами.

Помешала активной восточной политики России и политическая ситуация в Европе. Начавшаяся во Франции революция потребовала от монархов Европы, в том числе и от России, направить свои силы на борьбу с революционной агрессией. После смерти Екатерины II,

воцарившийся её сын император Павел I, Византией уже не интересовался. Он грезил рыцарями-крестоносцами, теми самыми которые в 1204 году разграбили Константинополь, впервые уничтожив Византийскую империю.

Пришедший к власти в результате очередного дворцового переворота, старший сын убитого заговорщиками Павла I — император Александр I, сосредоточил свои усилия на борьбе с революционной Францией. Он уже не имел возможностей, да и желания, воевать за восстановление Византийской империи, а великий князь Константин Павлович, вполне был доволен ролью правителя вошедшего в состав Российской империи царства Польского, полностью отказавшись от мечтаний своей бабки.

Рождение

В десятом часу пополудни, в Царском Селе 27 апреля 1779 года появился на свет второй внук Екатерины II Великой — Константин. Его отцом был великий князь Павел Петрович (1754 — 1801) и великая княгиня Мария Фёдоровна, урождённая Вюртембергская принцесса София-Мария-Доротея-Августа-Луиза (1759 — 1828).

Мария Фёдоровна была дочерью Вюртембергского герцога, правителя небольшого государства в южной Германии, Фридриха-Евгения (1732 — 1797) и принцессы Фредерики-Доротеи-Софии Гогенцоллерн Бранденбург-Шведтской (1736 — 1798).

Мария Фёдоровна была второй супругой великого князя Павла Петровича. Их венчание состоялось 26 сентября 1776 года. Константин был вторым ребёнком в великокняжеской семье. Ранее 12 декабря 1777 года у них родился сын Александр. Позднее родилось семь дочерей: великие княжны Александра (1783 — 1801), Елена (1784 — 1803), Мария (1786 — 1859), Екатерина (1788 — 1819), Ольга (1792 — 1795), Анна (1795 — 1865) и два мальчика Николай (1796 — 1855), будущий император Николай I, и Михаил (1798 — 1849).

Ввиду большого разрыва между старшими и младшими детьми, Константин был более дружен со старшим братом Александром и мало уделял внимания младшим братьям Николаю и Михаилу.

По традиции того времени рождение юного великого князя было отмечено хвалебной одой, напечатанной в 1779 году в издаваемом Академией наук ежемесячном журнале «Академические известия»:

Бог весть от корени Петрова

Во Константине произвёл.

Принадлежавшая перу князя Фёдора Сергеевича Голицына.

Не менее торжественные строки, с намёком на его высокое предназначение, посвятил юному великому князю придворный поэт Василий Петрович Петров:

«Защитник веры, слава Россов,

Гроза и ужас чалмоносцов,

Великий Константин рождён.

...

Не Трою рушители назначен;

Но гордых варвар победить;

И град, кой Греками утрачен,

От гнуса плена свободить.

В честь появления нового великого князя в Царскосельском театре была представлена опера итальянского композитора аббата Пьетро Метастазіо (1698 — 1782) «Димитрия», созданная по мотивам античной мифологии.

В виду особого предназначения новорождённого младенца была выбита особая медаль. На её аверсе была изображена императрица Екатерина II. На реверсе, на фоне Константинопольского собора Святой Софии, между фигурами Веры и Надежды, была помещена Любовь, держащая в руках младенца.

Для ликования народа, а рождение второго мальчика в великокняжеской семье надёжно укрепляло едва не угасшую династию, 5 мая 1779 года был обнародован императорский манифест о рождении великого князя Константина. «Мы и в сем случае с достоуверенным благоговением ощущаем Промысл Всевышнего, судьба царств зиждущий, что сим новым приращением нашего императорского дома дает Он вящий залог благоволения Своего, на оный и на всю империю изливаемого. Возвещая о сем верным нашим подданным, пребываем удостоверены,

что все они соединят с нами к Подателю всех благ усердные молитвы о благополучном возрасте сего любезного нам внука в расширении славы дома нашего и пользы отечества».

В манифесте венценосная бабка повелела именовать новорождённого великим князем и императорским высочеством.

Нового великого князя крестили 5 мая в Царском Селе. К купели на золотой глазетовой подушке новорождённого несли Курляндская герцогиня Бенигна-Готлиба Бирон (1703 — 1782), поддерживаемая справа обер-шенком Александром Александровичем Нарышкиным (1726 — 1795), слева генерал-аншефом Николаем Ивановичем Салтыковым (1736 — 1816). Крестил новорождённого, в присутствии членов Святейшего Синода, большого количества придворных сановников и иностранных дипломатов, духовник императрицы протоирей Иван Иванович Панфилов (1720 — 1794). После крещения августейшая бабка наградила младенца высшей наградой Российской империи орденом Андрея Первозванного.

Согласно своему предназначению, по замыслу Екатерины II, как будущий греческий император, Константин с младенчества был окружён состоявшими на русской службе греками. Его кормилицей стала гречанка Елена Иордановна. Её имя было созвучно матери императора Константина Великого — Елены. Слугою к великому князю был определён грек Дмитрий Дмитриевич Курута (1770 — 1833). Среди его товарищей по детским играм, так же были избраны греки. Чтобы будущий греческий император, что называется с грудным молоком, усвоил греческий язык и впитал древнюю культуру Эллады.

Воспитанием внуков Александра и Константина лично занималась императрица, составив для них план занятий и разработав инструкцию по воспитанию. В наставники к великим князьям был определён Николай Иванович Салтыков (1736 — 1816).

Нечуждая идеям просвещения и французской философии императрица в наставлениях по воспитанию детей указывала, чтобы юных великих князей одевали в лёгкие, удобные и просторные одежды, укладывали на не мягких кроватях, кормили простой пищей. Дети должны были больше времени проводить на свежем воздухе, заниматься подвижными играми. Учиться в прохладных помещениях.

Всё это, несомненно, в будущем принесло большую пользу. Великий князь Константин Павлович отличался отменным здоровьем и завидной физической силой.

В наставлениях было затронуто и нравственное воспитание. Императрица предписывала воспитывать в детях человеколюбие и чувство сострадания ко всякому Божьему существу. «Почтительное» отношение к религии и главное беспрекословное повиновение старшим.

Так же тщательно коронованная бабка расписала график занятий внуков. Николаю Салтыкову предписывалось учить детей, когда они сами изъявят желание и охоту и не более полчаса. За неуспеваемость в ученье не бранить, но за прилежание хвалить. Учить иностранным языкам обязательно в разговоре. «Учение должно служить единственно к отвращению праздности». Учить музыки и поэзии не полагалось, чтобы посвятить время на другие более важные занятия.

Великокняжеский наставник Николай Иванович Салтыков, принадлежал к древнему и знатному роду, состоявшему в отдалённом родстве с царской династией. На Прасковье Фёдоровне Салтыковой (1664 — 1723) был женат царь Иван V Алексеевич (1666 — 1696), соправитель Петра I.

Современники говорили о нём, как о человеке добром и религиозном. Он отличался ясным и проницательным умом и был большим знатоком придворной жизни. К его недостаткам относили скупость, слабохарактерность, зависимость от супруги Натальи Владимировны, урождённой княжны Долгоруковой.

Граф Фёдор Петрович Толстой (1783 — 1873), товарищ президента Академии Художеств, писал, что Николай Иванович Салтыков старичок, маленького роста, худощавый, сторбленный, с длинным носом. Был большой ханжа, носил на шее, кроме креста, множество

маленьких финифтяных образков, носил их даже во всех карманах; впрочем, был «человек очень умный и сведующий, и в своё время играл большую роль».

Литератор Александр Фёдорович Воейков (1779 — 1839) отмечал, что назначение воспитателем Салтыкова было лучшим выбором. Нежный отец, верный супруг, честный гражданин, бережливый хозяин, щедрый на благодеяния, исполнительный и бдительный. С 1773 года Салтыков состоял распорядителем при дворе великого князя Павла Петровича. Он направлял Павла стараясь сглаживать все трения между императрицей и великим князем, был посредником между ними.

Автор биографии Николая Салтыкова Павел Свиньин назвал его «избраннейшим из сыновей России, отличавшимся храбростью на поприще военной службы, мудростью на совете правления, украшенного всеми гражданскими добродетелями и трудному поприщу истинных и великих заслуг, достигшего высшего сана и высшей степени уважения своих современником и потомства».

В правление своего наставника императора Александра I Николай Иванович Салтыков стал самым влиятельным человеком в Российской империи. Имея чин генерала-фельдмаршала, он возглавлял Военную коллегию, а после был председателем Государственного совета и комитета министров, то есть возглавлял правительство России. Заслужил за свои труды титул светлейшего князя.

Помимо надзора за юными великими князьями и их воспитанием и обучением Салтыков ведал их финансами. Только на Константина Павловича с момента его рождения отпускалось 300 тысяч рублей ежегодно. Да ещё 17433 рубля на содержание великокняжеских экипажей.

В пятилетнем возрасте в 1783 году Константина отлучили от нянек. К нему был определён учитель швейцарец Фридрих-Цезарь Лагарп (1754 — 1838), именовавшийся в России Петром Ивановичем или Фридрихом Цезаревичем. Лагарп родился в кантоне Водуз и получил юридическое образование. В 1782 году, в поисках счастья и заработка Лагарт приехал в Россию и занялся обучением дворянских недорослей. Протекция фаворита императрицы, генерал-адъютанта Александра Дмитриевича Ланского (1758 — 1784), серьёзно занимавшегося образованием, обеспечила ему высокую должность.

Даровитый швейцарец рьяно взялся за дело. В предоставленных отчётах Салтыкову, Лагарт сообщал о большом прилежании и успехах в учёбе старшего из великих князей Александра. В отношении Константина отмечал «живость и недостаток внимания» мешающие раскрыться его способностям к обучению. Попросту говоря, будучи смышленным и, несомненно, способным к обучению, а Лагарп отмечал, что великий князь пишет довольно скоро, если занимается со вниманием, Константин был рассеян и любил проказничать.

В педагоги к великим князьям Александру и Константину назначили самым видных сановников империи. Русскую словесность преподавал поэт Михаил Никитич Муравьёв (1757 — 1807). Учителем физики был будущий академик Логин Юрьевич Крафт (1743 — 1814). Биологию преподавал известный путешественник академик Пётр-Симон Паллас (1741 — 1811). Математику француз Шарль-Франсуа-Филибер Массон (1761 — 1807), впоследствии секретарь Александра I, и штык-юнкер Ефим Дмитриевич Войтяховский (умер около 1812). Греческий язык поэт Георгий Балдани.

В 1784 году воспитателем Константина Павловича стал барон Карл Иванович Остен-Сакен (1733 — 1808), остававшийся в этой должности до середины 1797 года.

Современники отзывались о бароне не лестно. Считая Остен-Сакена человеком сомнительных убеждений и испорченной нравственности. Поэтому привить строптивому великому князю высокие базовые принципы морали он был не в состоянии.

Так как братья Александр и Константин воспитывались вместе, уже в юности между ними проявилось некое скрытое соперничество. Поскольку Александр Павлович являлся будущим наследником Русского престола, то вся программа обучения была нацелена на него. С ним

серьёзно занимались, уделяли большее внимание. Он был более прилежным учеником, превосходя своей организованностью и усердием младшего брата.

На Константина обращали внимание меньше. Да и требования к нему были намного мягче. Ведь он не предназначался в цари. Недостаток внимания воспитателей, помноженный на бурный темперамент, способствовал развитию у Константина своеволия. Он становится капризным и непокорным. Учителя побаивались перечить высокородному ученику. Лишь Лагарп пытается обуздать буйный нрав Константина.

Отмечая достоинства ученика, как то: открытое сердце, прямоту, впечатлительность, любознательность, природные способности. Лагарп хорошо видел и недостатки: гнев, упрямство, неподдающаяся контролю неуёмная живость, не внимательность. Если же не удастся приучить великого князя сосредотачиваться на главном, резюмировал Лагарп, то невозможно ожидать блестящих результатов. Более того, со временем его недостатки будут прогрессировать, особенно на фоне его высокого положения, как члена императорской династии. Упрямство, сиюминутные капризы, агрессия, оскорбления окружающих будут казаться Константину совершенно естественными его высокому статусу.

Однажды Константин на уговоры барона Остен-Сакена прочитать текст обозвал его глупцом. В раздражении укусил руку Лагарпа. В присутствии венценосной бабки высмеивал родителей. Однако ни кто не смел, указать великому князю на недопустимость подобных действий. Наоборот ему потакали, рукоплескали и смеялись над его нелепыми выходками.

Выводы Фридриха Цезаревича оказались очень верными. Это аукнулось под конец жизни, когда Константин Павлович испытал гнев оскорблённых им людей. Это свело его в могилу.

Единственно кого беспрекословно слушался и боялся Константин, были его родители. Павел Петрович очень любил своих детей, но в вопросах воспитания был строг и требователен. Однако, юные великие князья находились на попечение бабушки императрицы Екатерины II и не часто виделись с родителями.

16 августа 1786 года к Константину Павловичу был определён в услужение 16-летний выходец из греческой архонтской (дворянской) семьи Дмитрий Дмитриевич Курута.

Дмитрий Курута, согласно официальным данным родился в 1770 году в Константинополе в знатной семье. В юном возрасте оказался в России. В 1783 году был определён на учёбу в гимназию чужестранных единоверцев, в так называемый «греческий кадетский корпус». Был среди первых учеников. И когда Екатерина II решила определить к внуку кого-нибудь из греков для обучения «эллинскому языку», то её выбор пал на Куруту.

Выбор императрицы оказался наиболее удачным. Связь великого князя и греческого уроженца стала на редкость долгой и плодотворной, соединив их судьбы на всю жизнь. Константин приобрёл верного и преданного соратника. Он единственный из окружения великого князя мог безболезненно выносить его оскорбления. Курута долгие годы был адъютантом великого князя, после его начальником штаба и гофмейстером Двора. Вёл дела Константина Павловича, выполнял все поручения, иногда весьма щепетильные. Он часто предостерегал Константина от принятия поспешных решений, ловко сглаживая возникающие трения между великим князем и его окружением. Как то Константин Павлович обозвал старого заслуженного генерала коровой. Генерал был потрясён такой оценкой. Успокаивая его, Дмитрий Курута спокойно признался, что великий князь часто называет его волон, но при этом он всё равно не перестаёт оставаться человеком.

В тоже время, не имея такого покровителя, вряд ли Дмитрий Дмитриевич добился бы высот в службе. Он умер 13 марта 1833 года, лишь ненадолго пережив своего патрона, в звании генерала от инфантерии и графа Российской империи.

Начало службы

Незадолго до своей смерти Екатерина II, вслед за женитьбой Александра Павловича, устроила судьбу своего второго внука.

С русским императорским домом желал породниться обладатель большого семейства Неаполитанский король Фердинанд III Бурбон (1751 — 1825). Из его 9-ти дочерей 6-ть достигли брачного возраста. И король прилагал большие усилия, чтобы выгодно пристроить принцесс.

Женой Неаполитанского короля была Мария-Каролина Габсбург Австрийская (1752 — 1814), дочь императрицы Священной Римской империи Марии-Терезии Габсбург (1717 — 1780), соперницы России. Поэтому Екатерина II решительно отвергла предполагаемый брак, резко высказавшись о Неаполитанском семействе: «пришла охота весьма некстати наградить нас одним из своих уродцев». Конечно же, чтобы соблюсти приличие, своему послу в Неаполе графу Андрею Кирилловичу Разумовскому (1752 — 1836) императрица поручила объяснить отказ малолетством жениха. Константин молод, жениться ему рано «пока совсем не образуется».

Тем временем Екатерина II направила в Германию с секретной миссией барона Андрея Яковлевича Будберга (1750 — 1812), для выбора невесты для великого князя из числа немецких принцесс. Барон долгое время был наставником великого князя Александра Павловича и пользовался полным доверием императрицы. Случай привёл барона Будберга в Кобург, и он остановил свои поиски на дочерях герцога Франца-Фридриха-Антон Саксен-Кобург-Заальфельдского и графини Августы-Каролины-Софии Рейсс-Эберсдорфской.

Выбор Андрея Яковлевича был одобрен императрицей. Вскоре три Кобургские принцессы София, Антуанетта и Юлиана была приглашены в Россию, на смотрины. Конечно же, мнением юного жениха ни кто не интересовался. Всем распоряжалась императрица.

Екатерина II выбрала младшую из сестёр принцессу Юлиану-Генриетту-Ульрику (22.09.1781 — 24.08.1860). 13 февраля 1796 года Кобургская принцесса приняла православие, став Анной Фёдоровной. А через 13 дней состоялось венчание.

Константину было 16 лет, его избраннице 14-ть. О желаниях и вкусах жениха и невесты ни кто не думал.

17 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина II. Русский престол наследовал её законный сын Павел I. Император был человеком властным и требовательным, любившим во всём строжайший порядок. Он сам много трудился и требовал полной отдачи от государственных чиновников и особенно военных. В армии вводились прусские методы военной подготовки, хорошо опробованные новым монархом во время его пребывания в Гатчине. По воспоминаниям одного офицера, с воцарением Павла Петровича образ жизни командного состава совершенно переменился. «При императрице, мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в обществе ходили во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех как рекрут». Все войска были переодеты в прусскую форму.

С самого рождения Александр и Константин воспитывались бабкой, императрицей Екатериной II и редко виделись с родителями. Павла Петровича, постоянно проживавшего в Гатчине, не часто приглашали в столицу. В редкие встречи с родителями великие князья, чтобы угодить отцу, облачались в прусские военные мундиры. Держались они строго официально, без особой близости.

С кончиной императрицы сразу всё изменилось. Павел I приблизил старших сыновей, полагаясь на них в делах переустройства государства. Как заботливый родитель император увеличил их содержание и пожаловал Константину «Стрельную мызу» со всеми угодьями.

Павел I посчитал сыновей достаточно взрослыми и годными к государственной службе. При этом государь не выделял ни кого из братьев, в отличие от венценосной бабки более расположенной к Александру. Павел I наоборот отдавал некоторое предпочтение к более походившему внешне на него Константину. Так великому князю было поручено присутствовать при разборе вице-канцлером графом Александром Андреевичем Безбородко (1747 — 1799) бумаг покойной императрицы Екатерины II и её фаворита князя Платона Зубова.

7 ноября 1797 года Константин Павлович был назначен шефом лейб-гвардии Измайловского полка и командиром 5-ти эскадронов Конной гвардии. В то время именно полковой шеф осуществлял управление подразделением и нёс ответственность за состояние полка в строевом и материальном плане. Командир полка, не играл первенствующей роли и считался первым помощником шефа.

Это были не первые назначения великого князя. Ранее его венценосная бабка 5 мая 1795 года сделала его полковником Санкт-Петербургского гренадерского полка. Но эта должность была чисто опереточной. Теперь же Константину пришлось серьёзно отнестись к своим служебным обязанностям. Поскольку император, не прощал ни каких упущений и не делал скидок на родственные связи и высокое происхождение. Приходилось напрягать усилия и учиться самому. Великий князь едва «сладил» с первым военным разводом. Однако быстро освоился. Сказалась природная тяга к жёсткой дисциплине и парадности, свойственная всем русским монарх, по происхождению немцев. Константин, очевидно, в угоду отцу, захотел ввести некоторые новшества в своих подразделениях, желая, чтобы некоторые командные слова произносились по Гатчински и повелел всем офицерам иметь трость и с раструбами перчатки. Поскольку, несмотря на отцовскую заботу и дружеское обхождение со стороны императора, Константин Павлович, впрочем, как и его старший брат, смертельно боялся гнева отца. Он испытывал панический страх при каждой встрече с родителем, словно его заставляли входить в клетку к разъярённому тигру.

Император хотя и доверил сыновьям важные посты, но желал, чтобы они были под присмотром. Для контроля за сыном, Павел I приставил к Константину старого офицера-измайловца Павла Андреевича Сафонова.

Гвардии капитан-поручик Сафонов был ни чем не примечательным человеком. По признанию сослуживцев относился к числу «чёрных офицеров», то есть не имеющих ни малейшего воспитания. И в конце царствования Екатерины II собирался оставить службу и отправиться на жительство в деревню. Но его судьбу подкорректировал случай.

Однажды присутствующий на полковом разводе Павел I обратил на него внимание, как на возрастного офицера и навёл справки. Сафонов оказался свойственником императорской семьи. Дело в том, что одна из кузин императрицы Елизаветы Петровны, через её мать императрицу Екатерину I, Марфа Симоновна Гендрикова (1727 — 1753) вышла замуж за Михаила Ивановича Сафонова (умер 1782), родственника офицера-измайловца. Именно это обстоятельство сделало его доверенным человеком императора. Сафонов был определён к великому князю в адъютанты, но на правах «дядьки», то есть воспитателя с тем, чтобы доносить императору обо всех действиях Константина, ни чего не скрывая.

Однако великий князь вскоре взял верх над наставником. Сафонов, полностью завися от Константина Павловича, доносил императору лишь об успехах великого князя.

Сложные взаимоотношения в семье сказались на характере Константина Павловича, сделав его закрытым и подозрительным. Он чувствовал себя уютно лишь в среде немногочисленных приближённых, круг которых сформировался в начальные годы его государственной службы, сохранив с ними связь на долгие годы.

Чуть позднее в июне 1797 года император назначил Константина главным начальником 1-го Кадетского корпуса, как ранее был его венценосный дед Пётр III. Константин Павлович был горд доверием отца и старался надлежащим образом исполнять возложенные на него обя-

занности. Он ежедневно ездил в корпус к 5 часам и наблюдал за подъёмом кадет. Ему было приятно видеть, как кадеты под барабанный бой встают и одеваются.

Ведь за малейшие просчёты император сурово взыскивал с великого князя. Однажды Константин не надлежащим образом исполнил обязанности по разводу караула, уехав гулять. Это вызвало гнев императора. Великий князь был так напуган, что не спал всю ночь. Не знал, что делать, чтобы вернуть расположение отца. Чтобы вымолить прощение, не смея лично предстать перед императором, великий князь искал заступничества на стороне, у приближённых к монарху лиц. По данному проступку, Константин Павлович ходатайствовал через своего адъютанта Е.Ф. Комаровского, будущего генерала и графа. Он подключил близкого к императору И.П. Кутайсова, крещённого турчонка. Прощение было получено.

В другой раз Павел I приказал управляющему департамента уделов князю Н.Б. Юсупову удерживать с великого князя за убытки в полку причинённые пожаром 1/3 жалования.

Однако, несмотря на некоторые промахи по службе, в целом император Павел I заботливо относился к сыну. И был им доволен. Поскольку Константин Павлович, во многом походил на отца, в особенности в вопросах военной службы. Он сам был усердным служакой и требовал того же от подчинённых. Особенно ценил в службе парадность и дисциплину.

Швейцарский поход

Политическая ситуация в Европе в конце XVIII века была сложной из-за произошедшей революции во Франции. В январе 1793 года был казнён король Людовик XVI. Власть оказалась в руках радикальных экстремистов. Они устроили невиданный прежде террор.

Соседние монархии, видя угрозу своим престолом, организовали военное вторжение во Францию. Однако, революционная армия, отразив нападение агрессоров, перешла в наступление.

Французские события сильно напугали Павла I, опасавшегося как бы парижские санкюлоты не повредили русские «добрые нравы». Он начал широкомасштабную граничившую с крайним педантизмом борьбу с французскими проявлениями во всех сторонах жизни русского общества.

В 1798 году стараниями Англии была создана коалиция Европейских монархий против революционной Франции. В борьбе с революционной заразой приняла участие Российская империя. Чтобы выражаясь языком одного из указов Суворова «восприяв намерение с союзниками нашими, низпровергнуть незаконное правление, во Франции».

Было сформировано два корпуса для поддержки австрийской армии. Один под начальством А.М. Римского-Корсакова отправлялся в Швейцарию, второй — под командованием А.В. Суворова в Италию. Союзники настояли, чтобы командующим русскими войсками был назначен прославленный фельдмаршал граф Александр Васильевич Суворов. Перед ним была поставлена задача, освободить от французов Северную Италию.

11 марта 1799 года, чтобы придать большую важность этой военной кампании, волонтером в Суворовскую армию был назначен Константин Павлович. С ним в поход отправились несколько приближённых адъютантов. В армии великий князь должен был именоваться графом Романовым.

По пути к войскам Константин Павлович надолго задержался в Вене. Гостеприимный Австрийский государь, тогда ещё именовавшийся Римским императором, предоставил великому князю должность генерала-фельдцейхмейстера, то есть начальника артиллерии, австрийской армии и сделал его почётным шефом одного из гусарских полков. Константину Павловичу так понравилось в австрийской столице, что состоявшему при нём генералу В.У. Дерфельдену пришлось его поторопить, мотивируя тем, что Суворов может быстро разделаться с французами, и опоздавшему великому князю не достанутся лавры победителя. Дорога в действующую армию была обставлена радушными приёмами австрийских генералов и восторженными приветствиями местного населения. Так что великий князь был в самом приподнятом настроении. Ему полюбились оказываемые ему знаки внимания знати и простого народа.

26 апреля Константин Павлович прибыл в Вочеру и встретился с Александром Васильевичем Суворовым. С этого времени началась его боевая служба.

В начале военные действия развивались довольно успешно для русских войск. Суворов очистил от французов Север Италии. Во многих сражениях непосредственное участие принимал великий князь Константин. Он бесшабашно рвался в бой, так что главнокомандующему часто приходилось охлаждать пыл своего высокородного подчинённого. В неудачном для русских войск бою при Басиньяно, между русским авангардом соединения генерала А.Г. Розенберга и французами, великий князь лично водил в атаку пехоту и руководил артиллерией.

Однако, ряд дореволюционных историков именно Константину Павловичу ставят в вину неудачу в этом сражении. Своими бесшабашными действиями великий князь внёс дезорганизацию в войсках. А нападками на генерала А.Г. Розенберга сковал его волю.

К тому же в этом сражении Константин Павлович оказался на волосок от смерти. Тогда при отступлении русских частей на переправе лошадь великого князя, испугавшись, бросилась

в воду. В общей суматохе, к большой удаче Константина, его обезумевшую лошадь сумел остановить казак. Великий князь был спасён. Переправившись на другой берег, на лодке, он почти сутки приходил в себя и только на следующий день присоединился к войскам.

Встревоженный неудачей при Басиньяно Суворов ещё более был возбуждён сведениями о случае с великим князем. Он лично отчитал Константина и повелел увеличить его конвой. Внушения подействовали. Великий князь, страшась гнева главнокомандующего, вёл себя смирно, особенно во время военных совещаний, затаившись в укромном уголке.

Однако молодость брала своё. Константин Павлович не желал отсиживаться в штабе. Он постоянно находился в авангарде князя П.И. Багратиона, среди солдат, преодолевая путь пешком и согреваясь у солдатского костра. Он храбро сражался в битве при реке Треббии и при осаде города Нови. Павел I регулярно получал от А.В. Суворова восторженные реляции о подвигах сына, отметив его военные достижения алмазными знаками орденом Святого Иоанна Иерусалимского и премией в 50 тысяч рублей.

Такая оценка не была выдумкой. Даже если учесть слегка приукрашенный отзыв, ведь Суворов, как известно, не был подхалимом.

Тогда же Константин Павлович за «вящие заслуги» был наделён титулом цесаревича, согласно закону о царской династии, возлагаемый на наследника престола. С этого времени и до конца дней Константина Павловича именовали цесаревичем.

Однако под впечатлением русских побед стала проявляться отрицательная сторона союзнических отношений. Стремясь руководить военными операциями австрийцы, открыто игнорировали русские интересы, преследуя собственные цели. Своей главной задачей Вена считала утверждение своего влияния в Италии. Суворов же наоборот, полагал, что задачей военной кампании является восстановление низвергнутых революционной армией престолов. С помощью русских штыков была восстановлена Пьемонтская монархия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.